

Анна Кронон

**Алхимик и чашка
приворотного какао**

18+

Анна Кронон

**АЛХИМИК И ЧАШКА
ПРИВОРОТНОГО КАКАО**

«Автор»

2026

Кронон А.

Алхимик и чашка приворотного какао / А. Кронон — «Автор», 2026

Вот и как тут не поверить в проклятие? Сначала провела ночь в логове Алхимика. Потом он сделал то, о чём его никто не просил. А напоследок стала свидетелем интимной сцены и обладательницей компрометирующей информации. И всё это не в стенах средневекового замка, а на кафедре исторического факультета современного престижного ВУЗа. Что теперь делать бедной студентке? Уже ничего! Слишком поздно – чашка приворотного какао сделала своё дело! И нет тут ни мистики, ни колдовства – это внезапно нагрянула первая любовь! А она (эта самая любовь) зла – полюбишь и злобного Алхимика!"Медленно покрывая поцелуями, её шею он прошептал: «Пожалуйста, не бойся. Я остановлюсь, как только ты скажешь». Девушка осторожно коснулась лица профессора, пробежалась руками по его острому подбородку. Её пальцы коснулись татуировки на его гладкой смуглой груди в распахнутой рубашке. Однако, почувствовав прикосновения осторожных пальцев к своей разгорячённой коже, Алла застыла и жалобно всхлипнула: «Не надо».

© Кронон А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Кронон

Алхимик и чашка приворотного какао

Глава 1

Алла Юрская сидела над плакатом и проклинала себя за то, что согласилась на эту авантюру. Девушка училась на кафедре палеографии исторического факультета одного из ВУЗов столицы. Её научный руководитель – Ольга Ивановна – пригласила студентку второго курса принять участие в научной конференции. Они решили сделать совместный доклад-презентацию по старославянской письменности. Ольга Ивановна была очень занятым преподавателем, и как обычно, пришлось доделывать материалы выступления в последний день. Необходимо было сделать яркую иллюстрацию распространённых старославянских фраз.

Алла уже несколько часов старательно выводила буквы полууставом. На часах было двадцать один ноль-ноль. На кафедре, как и во всём университете, скорее всего, уже не было ни души. Студентка очень устала: ей болела голова, ныли пальцы и от запаха краски слезились глаза. Но Юрская обещала руководителю, что плакат утром будет готов. Девушка была уверена, что если пойдёт домой, то сразу свалится спать. Поэтому Алла приняла решение – во что бы то ни стало делать работу на кафедре. Однако это было нелегко: веки тяжелели. Пообещав себе, что это на минутку – девушка закрыла глаз и положив голову на стол придремала.

Дверь громко хлопнула, Юрская подскочила, как ошпаренная. В кабинет не зашёл, а скорее влетел заведующий кафедрой Марк Иосифович Алхимов. Преподаватель как черный ворон метнулся к студентке и склонился над ее плакатом:

– И что мы тут делаем в столь поздний час? Тебе ночевать негде? Так вокзалы открыты круглосуточно!

Его вкрадчивый, но властный голос заставил Аллу побледнеть. Профессор отличался злобным характером. Его недолюбливали коллеги, побаивались подчиненные и ненавидели студенты. Алхимов всегда отвечал исключительно в язвительной форме: его острого, как жало, языка боялись самые остроумные шутники. Марк Иосифович относился ко всем с превосходством гения. В свои сорок лет он сделал блестящую карьеру. Доктор наук, профессор, заведующий кафедрой слыл одним из лучших европейских специалистов в своей научной теме. И если бы не скандал, возможно, стал деканом или даже ректором. Марк Иосифович был полиглотом, и в своё удовольствие учил иностранные языки: старославянский, греческий, польский, литовский, французский, английский, немецкий, итальянский. Но самым его любимым языком был латинский. Именно поэтому руководство разрешило ему, а не преподавателям с кафедры филологии вести у студентов-историков латинский язык. Когда худощавая высокая фигура преподавателя в темной развивающейся одежде носилась между партами сдающих зачет студентов, а над сводами аудиторий разносился его пронзительный голос на латинском языке, у большинства людей возникала мысль, что это чернокнижник. Уже очень давно, студенты, немного изменив его фамилию, прикрепили ему кличку "Алхимик". Наверное, так выглядели колдуны средневековья, однако его любовь к латинскому языку вызывала больше ассоциации с алхимиком. Почти черные слегка выющиеся волосы блестящими струями опускались на плечи. Про цвет его глаз вообще ходили легенды. Выдержать взгляд его не то карих, не то черных глаз могли единицы, и в тот момент желания рассматривать жуткий омут ни у кого не возникало. Сочетание черной и очень темной одежды со смуглой кожей и вовсе навевало мысль о дьяволе. Заостренные черты делали лицо профессора скорее отталкивающим, хотя уродом его было назвать нельзя. Вечно поджатые узкие губы или пренебрежительная ухмылка делали доктора наук ещё более зловещим. Мужчина носил странные свободные брюки и рубашки, удли-

ненные пиджаки и плащи. Из-за манеры Алхимика передвигаться очень быстро, вещи вечно развевались на нем как на мистическом существе. Студентки считали, что под всегда наглухо закрытыми вещами он скрывал обезображенное тело. Иногда, можно было заметить странный тонкий бордово-черный шрам, тянущийся от уха преподавателя и исчезающий под высоким воротом рубашки или водолазки. Студенты посмеивались над его неумением бриться опасной бритвой, а некоторые в тайне надеялись, что кто-то попытался перерезать ему глотку.

Однако нелюбовь окружающих Алхимов заработал не столько своим внешним видом, сколько характером, скандалами и слухами. Началось всё пару лет назад, когда одна из студенток обвинила профессора в попытке изнасилования. До заявления в милицию дело не дошло. Но на этом его блестящая карьера рухнула. Характер у преподавателя ухудшился, хотя и до этого был не мёд. После этого, время от времени, в студенческой среде всплывали слухи о его страсти к молоденьким студенткам. С учетом того, что сдать с первого раза, у заведующего кафедрой, было нереально, и взятки он не брал, поэтому к нему постоянно ходили толпы студенток на пересдачи. Рассказывать, как они сдавали зачеты, с пятого-шестого раза, девушки не любили. Или пренебрежительно кидали: «Я ему не дала. Вот он и взъялся». Поэтому все студенты считали, что его сердце, душа, мысли такие же темные, как и его одежда, да и весь внешний вид.

Алла судорожно сглотнула. Она чувствовала, как волосы профессора почти коснулись ее лица, когда профессор наклонился, рассматривая ее плакат. От мужчины пахло горько-холодным парфюмом с древесной ноткой.

– Я тут готовлюсь к завтрашней конференции – пролепетала девушка.

– Почему не дома? – Алхимов не дал ей договорить, резко выпрямился и метнулся к чайнику.

– Я боялась помять плакат в транспорте. Меня из читального зала библиотеки попросили уйти после закрытия. А Ольга Ивановна, сказала, что я никому тут не помешаю. Она не знала, что вы будете на кафедре. Я могу уйти, – проглатывая слова, студентка попыталась встать и собрать принадлежности.

– Сидеть! – властный голос заведующего кафедрой, заставил ее дернуться.

Юрская зацепила стаканчик с водой и перевернула его. Вода хлынула на бумагу. Пытаясь спасти свою работу, девушка дернула плакат на себя и рассыпала баночки с краской. Марк Иосифович сложив руки на груди, наблюдал за тщетными попытками испуганной студентки собрать карандаши, убрать воду с плаката и вытереть разлитую краску на полу. Мужчину жутко раздражали эти молоденькие дурочки. Профессор знал, какие слухи про него ходят, и всячески поддерживал свою испорченную репутацию. Но иногда ему это надоедало. Алхимов видел, что девчонка очень напугана, но упорно ликвидировала последствия своего промаха. Мужчина отвернулся и с отсутствующим видом насыпал себе кофе в чашку. Девушка убрала последствия катастрофы и теперь явно размышляла, как всё собрать и ретироваться домой.

– Можешь остаться. Только, чтобы я ни звука не слышал – мне надо поработать, – мило-стиво разрешил Алхимов.

Юрская начала лепетать слова благодарности и снова уткнулась в плакат. Марк Иосифович уселся за компьютер. Однако думать над статьёй не получалось. Профессор не сразу, но узнал эту девочку. За нее приходил просить декан. Никакая не она дурочка. Умной, старательной студентке, не повезло. Вступительную работу Юрской проверял он и поставил заслуженный, но низкий балл. Абитуриентка не стала оспаривать отметку и не прошла по конкурсу. Хотя если бы подала апелляцию, ей добавили бы как минимум бал (все считали, что профессор занижал отметки) и она училась бы бесплатно. Преподаватели очень высоко оценивают ее трудолюбие, ум и скромность. У студентки есть все шансы перевестись на бесплатное обучение, как только отчислят какого-нибудь лоботряса. Но год назад Марк Иосифович посчитал, что декан пытается пропихнуть к нему на кафедру свою протеже и первоначально отказался ее

брат. Однако после передумал. И правильно сделал. Ольга Ивановна очень хвалила студентку, которая принесла кафедре бонусы в виде многочисленных статей. Поэтому сейчас заведующий кафедрой разрешил Юрской остаться. Бросив взгляд, на работающую девушку, он обомлел. Сжав кисточку в руках, она спала, положив голову на злосчастный плакат. Шумно выдохнув, профессор резко поднялся со стула. Девушка встрепенулась, поймала злобный взгляд Алхимова и продолжила старательно выводить буквы.

– Иди сюда, – профессор распахнул дверь своего личного кабинета, имеющего выход только на кафедру. Алла, вжав голову в плечи, послушно шагнула в маленькую комнатку. Вспыхнул свет. Девушка ни разу тут не была. Стол, диван, несколько шкафов. Марк Иосифович распахнул дверки одного из шкафов и достал маленькую подушку и небольшой плед. Мужчина подтолкнул смутившуюся студентку к дивану.

– Ты засыпаешь над плакатом. В таком состоянии – работу не закончишь и завтра подведешь своего научного руководителя. Поспи пару часов. Я планирую работать долго – разбужу – продолжишь, – заявил безапелляционно заведующий.

Юрская хотела возразить, но у нее не было сил. Из-за конференции девушка не спала вторую ночь. Поэтому она поблагодарила, положила подушку под голову, закуталась в плед и мгновенно заснула. Последнее, что помнила Алла – это легкий парфюм профессора, исходивший от подушки.

Глава 2

Алла открыла глаза, утренний естественный свет заполнял маленький кабинет. Девушке понадобилось пару секунд, чтобы понять, где она находится. Резко вскочить Юрской не удалось – запуталась в пледе. Высвободив руку, студентка взглянула на часы и обомлела – шесть ноль-ноль. В голове пронёсся вихрь самых разных мыслей: от панических – «Что делать?», до решительных – «До конференции пять часов – я всё успею!».

– Доброе утро, спящая красавица! – насмешливый голос профессора ещё больше выбил девушку из колеи.

Студентка, наконец, выбралась из пледа и обула туфли. Алла ответила мужчине безрадостным «Доброе утро!» и собиралась ринуться в соседний кабинет, доделывать задание, когда ее взгляд уперся в стол, за которым сидел Марк Иосифович. Перед заведующим кафедрой красовался её дорисованный плакат. Каждая буква была идеально выведена. Такой четкости линий Алла не всегда могла добиться со второй – третьей попытки. Алхимов (ведь не крестная фея такое сотворила) украсил фразы рисунками как в реальных летописях. Девушка, молча, переводила ошарашенный взгляд с плаката на профессора не соображая, что сказать.

– Плакат оставь – пусть краска ещё подсохнет. От пар в связи с выступлением на конференции, насколько я помню, ты освобождена. Иди домой приведи себя в порядок.

После этих слов доктор наук стремительно выскочил в соседний кабинет, где оглушительно свистел чайник. Алла собиралась со словами благодарности, когда за стеной открылась дверь. Девушка сообразила, что её нахождение в кабинете у профессора в столь ранний час может быть превратно истолковано. Хотя, что тут истолковывать – студентка провела ночь вместе с Алхимиком в одной комнате. Никто не поверит, что Юрская сладко спала на его диване, пока преподаватель рисовал за неё плакат. Зная репутацию мужчины, все поверят во что угодно, но не в правду. Ни Алле, ни Марку Иосифовичу, как она понимала, очередные сплетни не нужны. Студентка затаилась, надеясь выскочить с кафедры незамеченной, когда ранний посетитель уйдёт. Судя по цоканью каблучков, в кабинет зашла женщина.

– Марик, ты какого хрена, ночевать домой не пришёл? Мог бы хотя бы предупредить, что опять тут будешь спать.

Голос принадлежал аспирантке Марка Иосифовича – по совместительству – лаборантке кафедры Марго – Маргарите Иосифовне Булгаковой. Девушка отличалась изысканной яркой красотой. Высокая, стройная, как фотомодель с идеальной, фарфоровой, почти прозрачной кожей, она всегда вызывала восхищённые взгляды мужской половины университета. Бронзовые, густые волосы в сочетании с ярко-зелёными глазами делали Маргариту похожей на героиню сказок. Она появилась на кафедре лет пять назад. Первоначально девушку приняли за любовницу Алхимика. Однако, никаких тёплых отношений между ними не наблюдалось. Тогда местные сплетники решили, что она протезе кого-то из ректората и девушка обязательно возьмёт в оборот перспективного молодого профессора. Или же Алхимов решит заполучить её в свою постель. Но лаборантка не проявила к мужчине никакого интереса, да и он оставался холоден к её чарам. При этом они очень хорошо сработались. А позже профессор стал её научным руководителем. Злопыхатели так и не дождались бурного романа. А Маргарита Иосифовна стала правой рукой заведующего кафедры и грозой студентов. Особенно впечатлительные студентки её побаивались и считали ведьмой. Она легко манипулировала людьми, особенно мужчинами. Девушки её не любили, и она отвечала им презрением и высокомерием.

– Доброе утро! Решил, что останусь на кафедре поработать, далеко за полночь. Не хотел будить тебя звонком, – слова профессора сопровождались звуком поцелуя.

Не желая стать свидетелем какой-нибудь откровенно сцены, не разбирая дороги, Алла ринулась из кабинета. Схватив сумку, стараясь не смотреть на лаборантку, студентка вихрем

выскочила с кафедры. Краем глаза Юрская успела заметить, что Марго прижалась к профессору и это явно девушка целовала своего научного руководителя.

Лаборантка удивленно приподняла бровь:

– Марик, тебя, что жизнь ничему не учит?

– Маша... – начал профессор.

– Не называй меня так, ты же знаешь, что я терпеть не могу это имя, – зашипела на профессора лаборантка.

– Мы с девочкой готовились к конференции, – спокойно продолжил доктор наук и, наконец, отвел напряженный взгляд от двери, как будто надеясь, что убежавшая студентка вернется.

– Конечно! Готовились они! На диване? – продолжила Маргарита, заглядывая в кабинет к профессору.

– То есть, то, что она услышала, что мы с тобой живём, а значит и спим, тебя вообще не смущает? – парировал заведующий кафедрой, наливая себе кофе.

– Ну да, не очень хорошо для защиты моей кандидатской диссертации. Придется признаться, что ты помогаешь своей младшей сестричке, – Марго взяла у профессора чашку из рук и отхлебнула обжигающий горький кофе.

– Если бы не отец – я бы ни за что на это не согласился, – огрызнулся мужчина.

– Если бы не отец – ты бы мог сейчас сидеть.

Марк Иосифович отобрал у лаборантки кружку назад, и злобно сверкнув глазами произнёс:

– Хватит мне постоянно об этом напоминать!

– Хорошо! А ты не будь идиотом – не попадись в эту ловушку ещё раз! – Марго ласково потрепала брата по щеке и пошла складывать плед и подушку обратно в шкаф.

Глава 3

Алла пулей пролетела по коридорам и выскочила во двор. Ей было всё равно, что подумает о ней Булгакова. Если она любовница Алхимика, то болтать, что Алла провела ночь в кабинете профессора, не будет. Юрская надеялась, что лаборантка не станет ей устраивать пакости и сцены ревности. Студентка никак не могла успокоиться. У нее всё тряслось внутри. Научный руководитель живет вместе со своей аспиранткой! Да, они оба свободны, но у них разница в возрасте лет пятнадцать. Профессор пишет девушке работу, а она за это с ним спит. Юрскую передернуло от этой мысли. Как ни странно, во всех слухах она всегда была на стороне девушек – возможных жертв профессора. А в этой ситуации ей стало жалко доктора наук. Марго ей никогда не нравилась. Слишком заносчивая, красивая, умная, острая на язык и хитрая. Отличная пара: колдун и ведьма.

Конференция прошла очень хорошо. Все были в восхищении от плаката. Ольга Ивановна рассыпалась в похвалах. Марк Иосифович никому не сказал, что плакат всю ночь рисовал он, а не Алла. Студентка была благодарна профессору за помощь. Девушка была уверена, что он пожалел уставшую студентку и не собирался ничего требовать взамен. Тем более Юрская и в подметки не годилась Маргарите. В благодарность за помощь Алла решила сохранить секрет заведующего кафедрой. После той ночи, девушка начала по-другому смотреть на его темную личность.

Алхимов ждал, когда до начальства дойдут сплетни о его связи с аспиранткой, и разразится скандал. Но про отношения профессора с Марго слухи так и не появились. Ночью, проведенной на диване в его кабинете Алла, тоже, похоже, ни перед кем не похвасталась. Время от времени мужчина ловил ее испугано-заинтересованный взгляд среди толпы студентов.

Юрская предстала перед его глазами через пару дней после конференции. Мужчина сидел один на кафедре, в своём кабинете, когда раздался скромный стук в дверь. Профессор кинул взгляд на часы. В такое время это могли быть или уборщики, или охранник. Но дверь отворилась и на пороге возникла Алла. Откинувшись в кресле, Марк Иосифович всячески демонстрировал недовольство. Студентка, как обычно при встрече с ним, опустила глаза и залепетала извинения. Доктор наук встал, вышел в соседнюю комнату, щелкнул старенький чайник и усталым голосом спросил:

– Кофе будешь?

Девушка отрицательно замотала головой:

– Нет, спасибо! – Она попыталась ответить громко, но голос упал до мышинного писка.

– Чай? Черный или зеленый? – Продолжал допытывать профессор.

– Нет, спасибо! Я после шести пью только какао, иначе не усну до утра. – Алла не понимала, зачем выдала Алхимову эту информацию.

Юрская терпеливо ждала возвращения доктора наук, чтобы не перекрикивать свист чайника. И как только мужчина появился в дверях, девушка попыталась начать разговор:

– Я хотела...

– Пей! Ты синяя, как будто тебя из морозилки достали, – профессор протянул студентке большую керамическую кружку.

Девушка уже пожалела, что ляпнула про кофе и чай. Алхимику точно наплевать на ее вкусы. Алла решила не злить хозяина кабинета, тем более она пришла с добрыми намерениями, и выпить любой напиток, который он всучил студентке в руки. От кружки исходил сладкий запах... какао. Юрская подняла удивленные глаза на Марка Иосифовича. Сидя по запаху – профессор делал себе кофе. Как тут не поверить в алхимию и колдовство, если одно ее пожелание превратили напиток в кружке в ароматное какао? Или взрослый мужчина тоже время от времени балует себя детскими напитками?

– Не стой как древнегреческая статуя! Садись! – заведующий кафедрой демонстративно смотрел в тёмное окно и не собирался даже поворачиваться к визитёру лицом.

Алла внимательно осмотрелась. Стол и все стулья были заняты, разложенными журналами. Скорее всего, профессор готовил статью. Пустым оставался диван, на котором валялся уже знакомый плед. Пару секунд поразмыслив, и не желая ещё больше раздражать заведующего, девушка решила присесть на краешек дивана. Марк Иосифович подошёл к дивану сдвинул в сторону плед и уселся рядом с девушкой. Юрская молча пила горячий напиток. Она видела, что профессор тоже получает удовольствие от своего кофе и решила повременить со своей речью. Мужчина украдкой наблюдал за девушкой. Скорее всего, она опять допоздна сидела в библиотеке. Читальный зал был самым холодным помещением в здании. Судя по синюшным губам и ногтям, а также жутко бледной коже – студентка сильно замерзла. Не выпуская чашку из рук, заведующий кафедрой накинул лежащий рядом плед на плечи Юрской. Она встрепенулась и подняла свои серые, как всегда, испуганные глаза на мужчину. Буквально на долю секунды их взгляды встретились. «Горький шоколад» - подумала девушка, глядя в тёмно-карие глаза профессора. Не омут и не черная дыра, а теплый горький шоколад. Хотя, возможно, его глаза были такого цвета из-за хорошего настроения и горячего кофе? Наконец осмелев и согрившись, Юрская решила заговорить. Она повернулась в пол-оборота и обратилась к заведующему:

– Марк Иосифович, я хотела извиниться, за то, что так быстро убежала и не поблагодарила вас за плакат, – наконец выпалила студентка.

Юрская немного покраснела, вспомнив, что явилась невольным свидетелем сцены личного характера.

– Не стоит! Ты хорошо справилась сама: плакат был почти готов. Я с удовольствием повозился с оформлением. Можно сказать, я возвратил тебе должок.

Девушка смутилась, она понимала, на что намекал Алхимов. Но профессор всё равно решил разъяснить:

– В некотором роде, ты из-за меня учишься на платном отделении. Хотя, я считаю, что заслуженно поставил тебе за экзаменационную работу три с половиной балла. Не понимаю, почему ты не раскрыла вопрос? Ведь источников по этой проблематике хватает. И я абсолютно не согласен с твоей односторонней оценкой событий этого периода...

Доктор наук зацепил свою любимую тему. Учёный в подробностях стал анализировать работу Юрской, описывать источники и давать оценку. Алла в какой-то момент поймала себя на мысли, что не вслушивается в смысл, а просто наслаждается его уверенным голосом.

– Почему ты никому не похвасталась, что плакат помогал делать я?

Вопрос профессора вернул девушку к реальности.

– Но вы же через Ольгу Ивановну дали четко понять, что не причём? «Аллочка, дитя моё, придется в следующий раз к конференции готовиться в другом месте. Марк Иосифович был очень недоволен, что вы своей краской ему до двенадцати часов воняли – мешали сосредоточиться».

Студентка так умело повторила интонацию научного руководителя, что мужчина задорно расхохотался.

– Ты живешь одна? – от очередного вопроса девушка чуть не поперхнулась, – ты всю ночь провела тут, а тебя даже никто не искал? – непринуждённо продолжил расспрос, а точнее допрос преподаватель.

– Я живу с отцом и мачехой – сухо ответила Алла.

Не дождавшись продолжения, профессор уточнил:

– Твоему отцу так на тебя наплевать? Или ты сказала ему, что ночуешь у парня?

Девушка отрицатель мотнула головой.

– Что осталась на пижамную вечеринку у подружки?

– Нет.

– Тогда я не понимаю, почему твой отец до сих пор ко мне не примчался выяснять отношения и бить морду? – искренне удивился мужчина, современным родителям.

– Он с Ирой уехал на две недели в Европу. Ира – это моя мачеха. Папа развелся с мамой пять лет назад. Это он оплачивает половину суммы моего обучения, и я живу вместе с ними, – нехотя, рассказала Юрская.

– А вторую половину кто оплачивает? Мама? Взрослый друг?

– Я сама...

Алла никак не могла понять, почему в их разговоре постоянно всплывает вопрос о личной жизни.

– И как же ты зарабатываешь? – ехидно поинтересовался профессор, с издевкой, окидывая оценивающим взглядом, завернутую в плед фигурку девушки.

Юрская гордо вздернула подбородок и ответила:

– Я занимаюсь репетиторством и пишу контрольные работы на заказ.

Она тут же пожалела о том, что сказала. Глаза заведующего кафедрой злобно сверкнули. Ведь фактически студентка призналась, что они обманывают преподавателей. Следующий вопрос профессора окончательно выбил зыбкую почву из-под ног девушки:

– Почему ты никому не рассказала о Булгаковой и обо мне?

Мужчина ждал ответ на этот вопрос с особым интересом. Девушка вскочила с дивана и направилась к столу, где уже стояла другая пустая кружка доктора наук. Не поворачиваясь к мужчине лицом, Алла ответила:

– Марго..., то есть Маргарита Иосифовна совершеннолетняя, не является студенткой, и я сомневаюсь, что вы ее удерживаете рядом силой.

Юрская выпалила это всё слишком резко и громко. Сама, испугавшись своих слов, студентка ждала реакции профессора.

– Значит тебе абсолютно всё равно, что она спит со мной за кандидатскую работу? – прошипел доктор.

Алхимов догадывался, что откровенный страх девушки перед ним вызван не столько его должностью, сколько грязными слухами, которые как удушающие испарения пропитали стены университета и продолжают отравлять его жизнь. Профессор видел, как Юрская вздрогнула от его слов, как от удара. Мужчине захотелось подойти развернуть студентку к себе лицом и увидеть в её глазах ужас и отвращение. Заведующий кафедрой быстро приблизился к девушке и уже хотел схватить за плечи, когда она резко обернулась. Алла понимала, что нужно ответить честно, поэтому решила повернуться к профессору лицом. Но Юрская никак не ожидала, что мужчина, словно призрак окажется прямо перед ней. Всё ещё судорожно сжимая кружку в руках, она смело взглянула в глаза преподавателя и произнесла:

– Я считаю, что это ваше личное дело. Я не собираюсь вас шантажировать или трепаться о вашей связи с аспиранткой. Мне действительно очень жаль, что я стала невольным свидетелем и теперь посвящена в вашу интимную тайну.

В открытом взгляде девушки не было ни страха, ни ненависти. Марк Иосифович первый отвел глаза, не выдержав даже не серый, а скорее стальной взгляд девушки. Воспользовавшись секундным замешательством преподавателя, Алла проскользнула мимо мужчины в соседний кабинет, поставила кружку рядом с чайником и вышла с кафедры. Профессор медленно двинулся следом за студенткой. Мужчина взял в руки еще теплую кружку от какао. Алхимов в задумчивости крутил ее в руках, когда внезапно отворилась дверь.

– Ещё раз большое спасибо за плакат и какао было очень вкусное! – девушка буквально на пару секунд просунула голову в кабинет и быстренько ретировалась, не дожидаясь ответа мужчины.

Глава 4

Приближались новогодние праздники. Когда-то в детстве Алла очень любила Новый год. Запах хвои и мандаринов, весёлые огоньки гирлянд, разноцветные сверкающие игрушки вносили ощущение праздника даже в сумрачные будние дни. Будучи школьницей, она очень любила с родителями украшать елку. Они делали это обычно двадцать девятого или тридцатого декабря под звуки новогодних фильмов. Зелёная лесная гостья ждала на балконе, пока развешивали гирлянды в комнате. Потом отец сидел в кресле и наблюдал, как они с мамой украшали новогоднее дерево игрушками. Алла, как и ее мама не признавала искусственные елки и пластиковые игрушки. Даже если елка была кривая, однобокая и редкая, все равно, главное в ней была естественность. Девочка тоже была не красавицей и поэтому она чувствовала какое-то родство с пускай невзрачной, но дарящей только положительные эмоции лесной гостьей. Особое очарование стекла было в его хрупкости. Несмотря на все предосторожности, каждый год разбивалась хоть одна стеклянная игрушка. И каждый год мама покупала взамен новую, как символ старого уходящего и нового приходящего года.

Долгими вечерами, дожидаясь родителей, Алла, придя со школы, включала гирлянды и сидела в полной темноте, завернувшись в плед. В такие моменты не было ничего кроме бескрайнего ощущения счастья. Конфликты с одноклассниками отходили на второй план. Неудачные отметки оставались где-то на страницах классного журнала. Даже ссоры родителей казались несерьезными и даже смешными. Именно в такие вечера мечталось о волшебстве и о принце на белом коне.

А потом папа ушёл из семьи к Ирине. Она была намного младше и красивее мамы. После этого Алла перестала любить Новый год, да и вообще все праздники. Мама очень переживала после развода, но старалась не показывать вида. Они с отцом развелись очень цивилизованно. Он оставил им всё: трёхкомнатную квартиру, дачу, машину. Кроме алиментов папа постоянно передавал деньги и подарки. Будучи девятиклассницей Алла жутко ненавидела и отца, и мать. Девочка считала, что они разрушили её идеальный мир. Постепенно, осталась ненависть только к отцу. Однако и она исчезла, когда мама заболела. Папа искренне бросился на помощь. И если бы не его вмешательство, возможно мама бы не выжила. Благодаря его знакомым врачам ее вовремя обследовали и прооперировали. После этого Алла его простила. Ради себя и мамы. Ненависть разъедает не предмет ненависти, а человека, который ей подвержен. Мама выздоровела, стала улыбаться и с кем-то разговаривать шёпотом по телефону. Девушка догадывалась, что возможно мама нашла себе нового спутника жизни. За полтора года учебы дочери, она ещё не была готова познакомить девушку со своим избранником. Живя с папой, Алла видела, что они с Ирой очень хотят детей. Но возможно, как кара за предательство – наследников не было. Ира была не плохим человеком. Она не ревновала дочь к отцу, но и не пыталась с ней подружиться. Они вместе вели хозяйство. Ира являлась хозяйкой, а падчерица – квартиросъёмщицей, и не более.

Постепенно рождественские и новогодние праздники пробудили в сердце девушки прежнюю теплоту, но мечтать в темноте, под елкой о принце она перестала. «Принцев мало и на всех их не хватает» Да и ее грустная семейная история лишней раз убеждала девушку, что и любви до гроба тоже нет. Поэтому этот Новый год Алла опять собиралась встречать без пары. И вообще, она стала с интересом изучать новое модное течение, в котором люди добровольно выбрали одиночество, без семьи и детей. Но почему то, всё чаще мысли девушки были заняты злым профессором.

Были двадцатые числа декабря. Зима и не собиралась вступать в свои права. Но люди, как бы наперекор ей, ждали Новый год. Украшенные витрины, шумные городские площади, горячий глинтвейн в каждом кафе – настойчиво твердили: «Празднику быть, даже если на дворе

плюс пять, и идёт дождь». Однокурсницы вытянули Аллу на каток. Юрская не то, что кататься, она на коньках стоять не умела. Поэтому все попытки выйти на лёд закончились одинаково – падением на пятую точку. Забросив идею покорить арену, девушка сидела в одиночестве в кафе и разглядывала катающиеся фигуры. Её внимание привлекла красивая парочка, почти в центре катка. Молодые люди плавно скользили на коньках, выделяли разные фигуры, и время от времени целовались у бортика. Алла с некоторой завистью поглядывала на влюбленных. Но когда парочка в очередной раз приблизилась к стеклянной витрине, за которой находилось кафе, у Юрской отпала челюсть. На арене влюблено ворковала Марго и незнакомый парень. Лаборантка прямо светилась от счастья рядом с мужественным молодым человеком. В их поведении всё сквозило любовью и нежностью. Алла не могла отвести удивленный взгляд от парочки. Марка Иосифовича она часто видела в университете. Студентке показалось, что последнее время профессор более мрачный, чем обычно. Возможно, это было связано с кандидатской диссертацией Булгаковой. Поговаривали, что её работу отправили на дополнительную экспертизу. Учитывая, что Алхимик – её руководитель, автор работы и любовник по совместительству, то, скорее всего, эта проблема с кандидатской его и раздражала. Однако, увидев Маргариту с другим парнем, у Юрской появились сомнения на этот счёт. Возможно, профессор зря убивается над работой. Ведь эта стерва явно использует преподавателя и возможно он догадывается об этом. Алла задумалась: имеет ли она право вмешиваться в личную жизнь других людей. Кто она такая, чтобы осуждать лаборантку? Юрская не знала, какой доктор наук в обычной жизни. А вдруг все те слухи, что ходят о нём правда? Что если он садист и насильник? Резко встрепенувшись, Алла выбросила черные мысли и жуткие картины, сопротивляющихся девушек из головы. Возможно, профессор ее опоил (точно – какао) и она прониклась к нему нежными чувствами, но даже колдун не заслуживает, что бы его использовали. На примере своих родителей девушка понимала, что не все такое черное, каким кажется на первый взгляд, и в любой ситуации виноваты обе стороны. В голове Юрской начал формироваться наивный план по спасению несчастного Алхимика из когтистых лап зеленоглазой ведьмы.

Глава 5

Марк Иосифович сидел на кафедре. Новый год был любимым праздником доктора наук. Несмотря на то, что с ним рядом давно не было мамы. Она умерла ещё, когда Алхимову было четырнадцать. Отец вскоре женился. У Марка появилась сестра. Мужчина всегда был тяжелым человеком, а в детстве – ребёнком и подростком. В своё время неуправляемый мальчишка перепробовал всё: сигареты, алкоголь, беспорядочный секс, наркотики. Но самое интересное, что ни одна из вредных привычек к нему не прицепилась. Отец всячески загружал трудного подростка дополнительными занятиями, чтобы мысли о смерти матери оставили парня в покое. Марк был уверен, что, если бы папа вместо того, чтобы записывать его на очередные кружки, просто погулял с ним в парке, или поболтал в кафе за стаканом молочного коктейля, было бы больше пользы. Профессор давно простил отца за предательство в виде новой жены. Но всю свою жизнь Марк Иосифович что-то пытался ему доказать. Что? Что ему не нужен отец, не нужна семья, не нужна Маргоша? К сводной сестре Алхимов относился с особым трепетом. При посторонних Марк её дразнил или игнорировал, наедине – оберегал и помогал. Она быстро включилась в его игру. До сих пор все знакомые и родственники считали, что они друг друга люто ненавидят. А на самом деле никого ближе Маши (только он её так называл) у доктора наук не было. Даже в той грязной истории сестра сразу встала на его сторону. Это она уговорила отца помочь разрулить сложную ситуацию и избавила Марка от шантажистов.

Сейчас поглядывая на ненавистный диван, Марк Иосифович снова и снова переживал ту историю. Мужчине было тридцать пять лет, он был успешный, перспективный и боготворимый студентками. Своей необычной внешностью профессор буквально околдовывал девушек. Однако мужчина встречался с женщинами своего возраста. Девочки-студентки Алхимова совсем не интересовали. Мужчине чрезвычайно льстило их внимание и чувство власти над ними. Ощущение, что ни одна из них не устоит перед его черным гипнотическим взглядом. Но как часто бывает, в конечном счете, Марк Иосифович оказался излишне самоуверенным.

Она была студенткой-первокурсницей, и ей не было ещё восемнадцать лет. Марк влюбился как мальчишка. Её наивные глаза, покорный взгляд, невинная улыбка, хрупкая фигурка – всё сводило мужчину с ума. Уже сейчас, по прошествии нескольких лет, Алхимов понимал, что это была ловушка, где жертвой был он. Хитрая студентка специально постоянно терлась на кафедре, случайно встречалась с преподавателем в коридоре, привлекала к себе внимание на парах. И Марк Иосифович сдался. Алхимов поверил в искренность её слов, когда девушка, прижимаясь к нему в темноте кафедры шёпотом произнесла: «Я люблю вас... тебя!» – и в смятении выскочила из кабинета. До следующей их встречи студентка тянула почти месяц, всячески изображая не то раскаяние, не то стыд от раскрытых чувств. Они стали встречаться тайно каждый вечер в его кабинете. Взрослый мужчина замирал в ожидании поцелуев своей возлюбленной. Всё было достаточно невинно: объятия, поцелуи и ни-ни. Профессор был влюблён – Алхимов собирался дождаться её совершеннолетия и торжественно идти просить руки девушки у родителей. Марк был уверен, что они откажут – ведь жених намного старше невесты. Но в своих радужных мечтах мужчина представлял, как добьётся их разрешения и обвенчается с ней в церкви. И только в первую брачную ночь сделает её своей. Однако с каждой их встречей руки студентки были всё настойчивее, а ласки более откровенны.

Вечер, в который разразился скандал, профессор помнил очень хорошо. Они целовались на диване. Алхимов был уверен, что закрыл кафедру и им никто не помешает. Девушка – даже сейчас он не хотел вспоминать её имя – уже сняла с него пиджак и рубашку и расстегнула на себе блузку. Марк всячески старался сдержать её рвущуюся наружу страсть. Он – взрослый мужчина понимал последствия секса с несовершеннолетней. Профессор скользил поцелуями по её шее, плечам, стараясь доставить девушке удовольствие и смягчить свой отказ заниматься

с ней любовью до ее совершеннолетия. И тут хлопнула дверь, и вспыхнул свет. В кабинет ворвалась толпа людей. Заслоняясь от яркого света, мужчина с трудом разглядывал вошедших людей. Возглавляла делегацию декан Валентина Валерьевна, с осуждением смотревшая, на своего, подающего огромные надежды, заведующего кафедрой. Следом за ней – парочка старых дев – преподавателей-сплетниц. Марк Иосифович попытался собой прикрыть полураздетую девушку. Но, не тут-то было. Из толпы выскочила потрепанная эксцентричная женщина, схватила студентку и вытащила дочь на всеобщее обозрение со словами: «Что вы смотрите? Я на него в суд подам за изнасилование моей кровиночки!». Мужчина попытался оправдываться, что он любит девушку и хочет на ней жениться. Но его возлюбленная вдруг начала рыдать на груди у мамы и рассказывать, как преподаватель срывал на ней одежду и говорил разные гадости. Профессор без сил опустился на диван. Так было разбито его сердце и карьера. Мамаша увела рыдающее чадо в соседний кабинет. Декан вытолкала преподавательниц-сплетниц за дверь, чтобы дать Марку одеться. После был тяжелый разговор со всеми свидетелями интимной сцены. Валентина Валерьевна приказала держать всем язык за зубами, а Алхимову, если он действительно любит девушку, решить проблему мирно. В противном случае, на суде каждый выступит свидетелем. Декан и преподаватели сдержали своё слово и дождались разрешения ситуации. Возможно, безупречная репутация профессора и его обаяние убедили свидетелей в искренности его чувств.

Первые пару дней после происшествия мужчина начал пить. Однако Марго быстро привела его в чувство. Сестра организовала встречу с семьёй потерпевшей. Родственники студентки наотрез отказывались от брака с Марком, а жаждали денежной компенсации. Более того они сами не были заинтересованы подавать заявление в полицию и похоже рассчитывали шантажировать профессора. Маргарита первая заподозрила неладное. Она уговорила отца помочь сыну. Первым делом, всеми правдами и неправдами сестра раздобыла документы из больницы. Мужчина был благодарен декану Валентине Валерьевне, за то что, не смотря на сопротивление девушки, в тот злополучный вечер она сама лично отвезла студентку на освидетельствование. В заключение не было ни слова об изнасиловании, но была фраза о том, что девушка давно ведёт половую жизнь. Марго удалось узнать, что возлюбленная брата встречалась с парнем со своего курса. И в отличие от Марка, с ним у нее был секс ещё в школе. Эта сладкая парочка и придумала схему развода заведующего кафедрой, подключив к ней и недалёкую мать студентки. Они планировали, что любовную парочку застукает мать девушки и начнет шантажировать неудачливого любовника. Но по дороге на кафедру странную женщину заметила декан, устроив допрос с пристрастием и ничего не выяснив кроме: «Мне надо увидеть заведующего кафедры», решила взять парочку свидетелей. Вдруг там ее ценного Марка Иосифовича избивать начнут? Вмешательство декана со свидетелями, поломало все планы шантажистов. Мамочка была бы рада свадьбе с профессором, но дочь и ее друг были против. Спать студентка с Алхимовым не собиралась, а вот окончить ВУЗ отличницей и при деньгах хотела. Отец Марка подключил свои связи, и в полиции неудачливых шантажистов взяли в оборот. Аферисты отделались легким испугом, поскольку доктор наук не захотел огласки, и не стал на них писать заявление. Следователи пожурили профессора, чтобы следующий раз руки не распускал с несовершеннолетними. Студентка и ее парень ушли из ВУЗа, но напоследок распустили слухи про изнасилование, которые обросли грязными подробностями.

С тех пор профессор затаил злобу на красивых студенток. Мужчина никогда не оставался с ними наедине. Все переписки Алхимов принимал исключительно в университете, и последними опрашивал парней. Курсовые и дипломные проекты у заведующего кафедрой никогда не писали девушки. Рецензии на работы студенток других научных преподавателей он передавал через секретаря, не встречаясь с представительницами прекрасного пола лично. Но на каждом курсе находилась девушка, которая пыталась испытать на мужчине свои чары. Профессор, обычно, резко ставил студентку на место в присутствии однокурсников. И потом с

особым удовольствием издевался на экзамене. Алхимову было всё равно, что каждая пятая красивая двоечница заявляла, что преподаватель на неё взелся, из-за того, что она отказала мужчине в близости.

Разглядывая вечерний, освещённый сотнями разноцветных гирлянд, город, Марк Иосифович с тоской думал, что он опять один. Профессор легко завоёвывал женщин. Ведь в отличие от университета, за его стенами, он, по-прежнему, был чрезвычайно сексуален. Но ни одна представительница прекрасного пола больше чем полгода Марка не выдерживала. Закоренелый холостяк со скверным характером не смог, да и особо не захотел удержать рядом ни одну женщину. Все эти романы кроме сексуальной разрядки никакого удовольствия мужчине не приносили. В груди было холодно и безразлично. Даже глядя на этот злосчастный диван, в душе заведующего кафедрой хоть что-то шевелилось. Наверное, воспоминание о том, что мужчина однажды потерял голову от любви. Марго давно предлагала выкинуть диван, но профессор хотел видеть его не столько как напоминание о предательстве, сколько о том, что он не всю жизнь был бесчувственным сухарём.

В сердце Алхимова что-то ожило только с появлением на кафедре маленькой девочки с плакатом. Обыкновенная невзрачная, худенькая девчушка никак не выходила из головы профессора. Юрская носила простенькие, неяркие, объёмные вещи. Как там они называются – over size? В студентке не было ничего выдающегося. Ничего за что мог бы зацепиться взгляд прожженного холостяка. Но, увы, он зацепился за что-то необъяснимое и эфемерное – за взгляд серо-голубых вечно настороженных глаз.

Прошло уже несколько месяцев. Заведующий кафедрой постоянно видел девушку в коридорах университета и седьмым чувством ощущал заинтересованность девушки его мрачной личностью. Их последняя встреча не только не оттолкнула студентку, а, похоже, вызвала ее жалость и симпатию. Да, по сравнению с наивной девочкой, профессор был злобный, одинокий старик-извращенец с которым трахаются из корысти или страха. Не здоровый интерес к этой студентке стал напрягать мужчину. Алхимов посетил психоаналитика и пожаловался на свою страсть к восемнадцатилетней девочке. Доктор провел какой-то тест и убедил его, что, во-первых: он, похоже, влюбился в конкретную девушку. А во-вторых в сорок лет нормальным является желание видеть рядом с собой девушку такого возраста. И привел в пример ряд как популярных, так и не очень популярных персон. Только выйдя от психоаналитика Марк Иосифович сообразил, что шевеление в его груди при воспоминании о невзрачной студентке – это и есть любовь. Опять! На те же грабли! Но на этот раз, если мужчину попытаются обвинить в изнасиловании, уголовная статья будет мягче – Юрской было девятнадцать лет. Профессор всячески избегал встреч с девушкой последний месяц. Недовольно хмурился при виде студентки и выходил из кабинета под любым предлогом. Хотя каждый раз, задерживаясь на работе, мужчина надеялся, что сейчас откроется дверь и зайдет замёрзшая девчушка. А преподаватель усадит студентку на диван, укроет пледом и сделает ей какао, потому что из-за чая или кофе девочка не будет спать всю ночь. В своих безрассудных мечтах – мужчина с огромным удовольствием не спал бы вместе с Аллой.

Алхимов стоял и смотрел на празднично украшенные витрины магазинов, когда дверь на кафедру скрипнула. Возможно, Маша что-то забыла, она пару минут назад вышла с кабинета. Оглянувшись, доктор наук застыл – в дверях стояла Юрская.

– Извините, что без стука. Вы один? Нам надо поговорить.

Студентка выглядела излишне возбужденной. Её щеки становились то бледными, то вспыхивали нездоровым румянцем.

– Да, один. Пройдешь в кабинет или тут: на кафедре, будем разговаривать? – удивлению профессора не было предела.

– Лучше тут.

Девушка решительно шагнула навстречу мужчине:

– Марк Иосифович, вы скорее всего мне не поверите, но я не могу молчать! Я должна вам это сказать!

Юрская опустила глаза в пол, собираясь произнести заготовленную речь.

«Знакомая ситуация» – ехидный голосок напомнил Алхимову про события недалекого прошлого. Доктор наук напрягся. Эта с виду застенчивая девочка решила сыграть с ним в туже игру? Заманить в ловушку и использовать? Мужчине было почему-то очень больно. Профессор не хотел себе признавать, что опять ошибся. Его лицо посерело, резко заныло сердце, преподаватель медленно спо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.